

Все это имело неблагоприятные последствия для моего образования и литературных навыков, и в моих письмах я неоднократно ссылался на недостатки своего стиля ²⁶. Достойный латинский монах-издатель не поверил мне и, отвлеченный «погремушками», которые Вы и Ваши коллеги называете законами жанра и топосом самоуничижения, предположил, что я напрашивался на похвалы ²⁷. Да уж — похвалы! Издателю следовало бы довериться Феодору из Кизика, иерарху, к которому я адресовал свои самоуничижительные послания. Феодор был моим близким другом в трудные времена до 945 г. и оставался моей опорой в церковных делах в самом конце моего правления. Но он знал факты: в своем ответе, вместо того, чтобы возразить и осыпать меня похвалами, он согласился с моей собственной оценкой. По причине человекоубийственной зависти и нападок (под «завистью» и «нападками» подразумевались обстоятельства, порожденные кликой Романа), — писал он, — я упустил возможность, посмаковав, испытать в изобилии млека Муз (под «млеком Муз» имеется в виду светское литературное образование). Мой простой «религиозный» стиль, однако, — продолжал Феодор, — достоин похвалы; благодаря этому божественно мудрому стилю я засверкал среди ревущих ослов (под «ревущими ослами» подразумеваются придворные Романа). Сейчас, оглядываясь на середину сороковых годов, я начинаю понимать, почему такой изощренный литератор, как Никита Магистр — кстати сказать, корреспондент Феодора — в своем льстивом письме ко мне притворно утверждал, что он сам низко расценивает классицизирующие приемы и предпочитает им простоту библейских притч. Он решил снизойти до моего уровня ²⁸.

Если Вы все еще не убеждены, обратитесь к моим письмам. Вы обнаружите, что они изобилуют лексическими штампами. Правда, я использовал редкие слова *διάρκεια* и *ἄκοντί*, а однажды и возвышенную форму — *φιλαίτατος* вместо *φίλτατος*. Но эти маньеризмы вполне уравнивались: выбором просторечного *κρικέλλους*, восходящего к латинскому *circulus*; избитым каламбуром с именем Феодора; вульгаризмом *αὐτόθι* в значении «там» и путаницей женского и мужского рода в случае со словом *κύλιξ* (если в самом деле меня, скорее чем какого-либо писца, следует упрекать в вопиющей ошибке). Единственная поговорка, которой я украсил мою переписку с Феодором, была банальной. Мои мифологические аллюзии, вроде упоминания нектара богов, также были

²⁶ Ср.: *Darrouzès J. Epistoliers...* VIII. 1. 13 и 33—37; VIII. 3. 4—6; VIII. 5. 2—21; VIII. 7. 5—7 и 10.

²⁷ *Ibid.* P. 60.

²⁸ О Феодоре из Кизика как близком советнике Константина после 956 г. и разделяемой им неприязни к патриарху Полиевкту см., например: *Scylitzes. Chron. Κωνστ. πάλιν αὐτοκρ.* 11 = 244. 14—15 и 17 = 247. 71—73 Thurn. О полном участии, но пессимистическом суждении Феодора о стиле Константина см.: *Darrouzès J. Epistoliers...* VIII. 8. 8—14: οἶδα σαφῶς ὅτι, εἰ καὶ τῷ ἀνθρωποκτόνῳ φθόνῳ καὶ τῇ βασκανῳ ἐπηρεῖα, οἴμοι, δαψιλῶς τοῦ τῶν Μουσῶν οὐ κατετῦφηςας γάλακτος, ἀλλ' ὅμως τῇ οὐρανίῳ καὶ θεῖα δρόσῳ τοῦ ἀγίου πνεύματος ἀρδευθεῖσά σου ἡ ψυχὴ κρείττω καὶ σοφῶν καὶ νομικῶν καὶ γραμματέων (Ср. Матф. 23.34) θεοῦ χάριτι καὶ φθέρηται καὶ φρονεῖ καὶ μέσον τῶν ὀγκωμένων ὄνων, μᾶλλον δὲ τῶν ὠρυομένων θηρίων, τῇ θεοσόφῳ καὶ συνέσει καὶ γλώσσῃ καὶ φωνῇ διαλάμπεις αὐτός. О раболепном письме Никиты см.: *Westerink L. G. Nicetas Magistros...* P. 129—133 = Письмо 31, особенно строки 15—20.